

*Душа живет в глубоком времени.
Нас движет, нас зовет вперед
Невыносимая тоска по дому.
И прошлое, и настоящее время на самом деле
Один и тот же Дом, один и тот же зов...*

Ричард Рор

ПРОЛОГ

МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ: С УЛИЦЫ

Заброшенный участок, скрытый за кирпичной стеной. Пустующий, если не считать сорняков, выросших размером с деревья, и занесенный ветром мусор, скопившийся от нескольких равнодушных поколений. Посреди стоят кованые железные ворота. Они проржавели, и сложно вообразить, что они когда-то гостеприимно распахивались навстречу человеку.

За воротами стебли растений тянутся к небу, к соседним домам, к железным прутьям, оплетая ворота густым зеленым покровом, из-под которого выглядывает ржавчина, и никого не пропуская внутрь.

Пустой участок. Запущенный, заброшенный, забытый.

ВНУТРИ — НЕЗРИМО:

Жизнь.

Музыка и живопись.

Поэзия и История.

Истина, Красота и Добро.

Ждут, пока их откроют, увидят.

Пока их получают как благословение — и как упрек.

Как средство или, возможно, как цель.

Ждут зрячих, чтобы те увидели, слышащих, чтобы те услышали.

Ждут Келси, пока она бежит к книжному магазину, держа в одной руке стакан с горячим кофе, а в другой — пакет печенья, мысленно сочиняя...

ГЛАВА 1

Если увидеть город на грани весны глазами воображения, то кажется, что он держит в своих асфальтовых ладонях обещание и возможности. Он вызывает стужу отыгаться за последнее поражение и расставляет своих солдат — пешеходов, снявших куртки, и водителей, открывающих окна в машинах, — готовясь к битве за тепло, листья, птичье пение...

Нет, не пойдет.

Начинать текст с погоды. Что может быть ленивее.

И на сколько же я опаздываю?

Я отвлекаюсь от опасных хребтов и долин покрытого трещинами тротуара и поворачиваю запястье, чтобы посмотреть на часы.

Кофе вот-вот прольется, хотя дисплей даже не загорелся. Должно быть, скоро три. В любой момент придут ученики, а у подростков терпение короткое. Мне очень нужны эти встречи с ними, сегодня — особенно. На час, что мы проведем вместе, я могу перестать думать о своей дилемме.

Как водится, в кафе я потеряла счет времени, пока запасалась печеньем для прилавка книжного и обсуждала с Анамарией свою новую маркетинговую идею, плод отчаяния. К тому же по дороге домой я поддалась порыву сочинить нелепую оду весне и замедлилась.

«Ворон считаешь», — так бы Ба назвала мои видения города, который вместе со своими жителями идет в бой, чтобы вернуть в мир весну. Она бы улыбнулась и подмигнула, но все равно. Слишком много проблем нужно решать в реальности, нет времени спускаться по затейливым тропинкам сознания.

Воображение на хлеб не намажешь.

От кафе Анамарии я прошла уже три квартала сквозь милый сердцу район Линкольн Виллидж. Прохожу мимо

музыкального магазина «Ритм и чудо», потом мимо пустой кирпично-красной стены рядом с магазином — и наконец я у Книжной лавки на Каштановой улице... бывшей когда-то Театром на Каштановой улице. Скульптурный фасад, уложенный завитками в карниз над резными дверьми — отзвук первого предназначения здания. Мускулистый Дионис лежит, развалившись, над головами прохожих и поднимает кубок за бурное веселье театра.

Я перехватываю бумажный пакет с печеньем в зубы, а освободившейся рукой открываю дверь, задевая колокольчик над головой.

— Келси, ты что, скотчтерьер какой-то? — Гнусавый голос Лизы пронзает весеннее тепло, а затем она подхватывает у меня печенье.

— Который час? Они уже здесь? — Я забираю у нее пакет и ставлю печенье и свой кофе на прилавок из полированного красного дерева.

— Всего лишь 14:30, — шурится Лиза. Кивком она указывает на мое запястье: — Почему бы тебе не посмотреть на свою игрушку?

«Игрушка!» Говорит, как будто ей семьдесят лет, но на самом деле ей около сорока, хотя годы и не были к ней благосклонны. Рваная прямая стрижка неровно обрамляет глубоко посаженные глаза и рот. На ней сегодня желтый шарф, только подчеркивающий нездоровый цвет кожи. Она выглядит так, будто не выпалась.

— Я просто... Кофе... — Я качаю головой. Спорить с Лизой бессмысленно. К тому же она не очень пунктуальна и мой единственный подчиненный, поэтому я не хочу ее раздражать.

Вместо этого я разрываю пакет, достаю из него печенье и, открыв витрину, раскладываю печенье на верхнем ярусе, как черепицу на крыше, для толпы голодных после школы подростков.

Лиза возвращается к работе (или избеганию ее) в комнате за кассой.

Пользуясь случаем, я вгрызаюсь в шоколадное печенье, делаю глоток кофе и, опершись на прилавок, позволяю себе оглядеть книжный, залитый лучами медового послеобеденного солнца сквозь витражные окна, расположенные высоко на правой от меня стене, над фресками с портретами знаменитых писателей. Пылинки танцуют в воздухе под нежные ноты Вивальди, словно крошечные феи Динь-Динь летают по Нетландии.

Несмотря на все, что происходит, я наслаждаюсь этой минутой в моем уютном гнездышке и чувствую благодарность за этот книжный — здесь все, что я люблю, разложено по стопкам, перевязано и расставлено на полки в огромном помещении со множеством таинственных укромных уголков. Для девушки с генеалогическим деревом, состоящим из одних пробелов, этот магазин — дом, и семья, и жизнь.

Любому, кто знает историю этого места или кто задержался на входе и прочитал подписи под пожелтевшими фотографиями, очевидно, что раньше это был общественный театр. Возвышения раньше были сценой, над моей головой — театральные балконы, а в задних комнатах еще стоят подсвеченные зеркала и вешалки с костюмами вместо книжных шкафов с подписями «ИСТОРИЯ ИСКУССТВА» или «ЗАРУБЕЖНАЯ ФИЛОСОФИЯ».

Уже больше шестидесяти лет прошло с тех пор, как Ба связала воедино свою любовь к театру и любовь к книгам и выкупила это обреченное место, чтобы сделать из него книжный рай.

И обожаю я здесь не театр, а книги. От невыветрившегося запаха чернил свежих изданий до пыльного аромата подержанных кожаных переплетов, ждущих своего читателя, который бы оживил их любовью, от каждой книги веет ностальгией и радостью. Я всегда провожу пальцами по острым обрезах новых поступлений или поглаживаю бархатно-мягкие букинистические находки в потрепанных текстильных обложках с золотым тиснением.

Книга — это тысячи и тысячи порталов в другие миры между страницами... слова любви и тоски, счастья и печали, вопросы, тайны, судьба. Стопки книг обнимают стены здания и дни моей жизни, одновременно утешая и удушая.

Шестьдесят лет любители книг посещают Книжную лавку на Каштановой улице...

Все это скоро пойдет ко дну из-за моей невероятной некомпетентности.

Вместо печенья чувствую во рту привкус пепла и, обогнув прилавок, кладу его внутрь, рядом с книжкой по маркетингу. Вечером я возьму ее домой — пролистать в поисках вдохновения.

Колокольчик над дверью снова звенит.

Я оборачиваюсь на звук, ожидая увидеть группу ребят, которые приходят по вторникам и четвергам — я радостно назвала их «Писатели будущего».

Но от вида нашего посетителя моя улыбка скрывается в глубине горла, а кофе становится горьким и кислым.

Я молчу и жду, когда он скажет, зачем пришел.

Будто бы я не знаю.

Он смотрит на меня с высоты своего носа сквозь очки со слоновьей оправой. Наверное, ему кажется, что в них он выглядит умнее. За стеклами его зеленые глаза отливают золотом — пугающие глаза кошки, спрятавшейся в тенях.

— Мисс Уиллоби.

Я демонстративно киваю.

— Чарльз Даймонд Блэкбёрн.

В награду за мой сарказм я получаю злую складку между бровей. Но человек, настаивающий на помпезном обращении, заслушивает такое же по отношению к себе. И почему Даймонд? Мама подарила такое имечко? Или он сам так назвался, желая впечатлить кого-то?

Я смотрю на часы. 14:57. Лиза, как водится, ошиблась со временем. Сердце бьется в такт цифровой секундной стрелке. У меня есть три минуты, чтобы убедить Блэкбёрна уйти. Ему нельзя быть здесь, когда придут дети.

Я обхожу прилавок, рукой показывая на дверь.

— К сожалению, сейчас не время. У меня скоро занятие...

— Я не займу у вас много времени.

Все в нем раздражает меня. Его седеющие волосы и невероятно дорогая стрижка, подстриженная в салоне борода, белый треугольничек платка, выглядывающий из кармана пиджака.

Я выпрямляю спину, вздрагивая, будто у меня по спине ползут насекомые.

— На самом деле вы несколько не займете, потому что разговаривать нам не о чем.

— О, боюсь, что это не так. На днях я узнал удивительные новости от городской налоговой службы.

Я поджимаю губы, стараясь унять пулеметную очередь, с которой его слова повторяются в моей голове.

Он хищно улыбается, и ряды зубных коронок блестят, как надгробия из слоновой кости.

— Я был очень удивлен, мисс Уиллоби, но поскольку я часто общаюсь с господами из налоговой, рано или поздно я бы узнал о вашем положении.

Словоохотливый. На моей ментальной доске с полароидами фотография Блэкбёрна подписана этим словом, по старой привычке я ищу для всех идеальное определение. Я не могла выбрать между «словоохотливый» и «многооречивый», но первое мне больше нравится по звучанию.

— Вижу по вашей реакции, мисс Уиллоби, что о ваших проблемах с налоговой вы осведомлены.

Я хватаю с прилавка тряпку, воняющую лимонным полиролем, и вдавливаю ее в деревянную поверхность, будто я леди Макбет, смывающая с рук вину. Ткань цепляется за царапину у выступа.

— Я справлюсь с магазином без вашей помощи. — Я вырываю нити из деревянного плена и провожу пальцем по трещине. Она становится больше? Неужели она будет расти как волшебное проклятие и расколется весь прилавок?

Блэкбёрн усмехается, как злодей из мультфильма, демонстрируя все свои коронки:

— Я пришел не для того, чтобы давать советы, и вам это прекрасно известно.

Это правда.

Я кидаю тряпку на прилавок и смотрю прямо на пепельно-серый пиджак в тонкую полоску, как заключенный на расстрельную команду.

— Я обещала Ба.

Я ее не подведу. Не после всего, что эта чудесная женщина для меня сделала, особенно не сейчас. Холод сковывает спину прямо.

Ба доверила мне свое наследие, как передают раненую птицу, просят позаботиться о ней, вылечить.

Если б я только знала, что делать.

Он смеется невесело и снисходительно.

— Вы молоды, мисс Уиллоби. Если бы здесь была Элизабет...

— Не говорите о ней так, будто знаете ее. Она бы ни за что не продала магазин.

Лиза появляется из комнаты, проскальзывает ко мне, поправляя черно-желтый шарф, и цвета внезапно напоминают мне полицейскую ленту.

— Мистер Блэкбёрн! Не заметила, что вы зашли. Какая приятная встреча. — Пальцы запрокидывают прядь волос за ухо.

Я вдыхаю сквозь сжатые зубы:

— Я справлюсь, Лиза.

Лиза проводит рукой по витрине.

— Не хотите печенье? Они только из печи, а вам не повредит перекусить.

— Нет, спасибо, дорогая, — Блэкбёрн хлопывает себя по пуговицам пиджака, — слежу за фигурой.

Лиза смеется — я не помню, чтобы она издавала такие трели по другому поводу.

— О, вам не о чем беспокоиться.

Я встаю между ними и смотрю прямо в кошачьи глаза Блэкбёрна — одно из явных преимуществ высокого роста.

— Окей, если вам больше ничего...

— Мисс Джонсон из налоговой милостиво сообщила мне во всех подробностях, что с вашего последнего уведомления истекло достаточно много времени.

Снова звенит колокольчик, и в магазин вваливается поток школьников, толкаясь и смеясь.

Я хватаю его под локоть и веду к двери:

— Благодарю вас за визит, Чарльз Даймонд Блэкбёрн, и за то великое множество сформулированных, составленных и произнесенных слов, которыми вы милостиво уведомили меня обо всем, что мне и так известно. Но, как видите, у меня дела.

Я выталкиваю его из еще открытой двери на тротуар. Ни в коем случае я не могу позволить ему сказать хоть словом больше в присутствии учеников. Я так старалась создать между нами хрупкое доверие, необходимое для творческого полета, а если они узнают правду, то я их больше не увижу. Не говоря уже о том, что мне нужна та небольшая сумма, которую школа платит за программу.

Блэкбёрн с шумом втягивает воздух и поднимает выщипанные брови в ответ на оскорбление — то, что я выставила его на улицу. Сомневаюсь, что он понял мою насмешку над его стилем речи. Он встает на тротуаре.

— Мисс Уиллоби, возможно, вам стоит меньше времени уделять книжкам и детям и больше — вашему бедственному положению. Даю вам последний шанс принять мое предложение. Боюсь, вы скоро пожалеете, что не поспешили извлечь возможную выгоду из вашей безнадежной ситуации. Это место — не святыня, и потом, продажа — не самый плохой вариант.

Неужели я слышу завуалированную угрозу?

Скрестив руки на груди, я не свожу с него глаз:

— Для меня — нет.

— От того, что вы игнорируете правду, она никуда не исчезнет, мисс Уиллоби.

— Возможно. А если игнорировать вас, вы исчезнете?